

СВЕТЛАНА ПАНИНА

НЕБО

для чертенка

Светлана Панина

Небо для чертенка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63666836

SelfPub; 2024

Аннотация

Профессионально менять человеческие души на исполнение желаний – не простая задача. Так легко ошибиться, особенно если ты маленький неопытный чертенок.

Светлана Панина

Небо для чертенка

С высоты птичьего полета город выглядел красиво. Невысокие домики жались друг к другу, словно грибы после дождя, яркие крыши наплывали одна на другую, скрывая тесные улочки и мостовые так, что казалось, в городе совсем нет людей, и вовсе это не город, а просто большая поляна, на которой тесно растут многочисленные постройки – излюбленное лакомство каких-нибудь великанов-камнеедов.

С высоты птичьего полета город переставал быть городом, привычным переплетением дворов и проспектов, освещенных огнями роскошных универмагов и мелких магазинчиков, окутанных гулом машин, голосов и музыки, пропитанных запахами шашлыков, бензина и моря. Здесь, наверху исчезали все измерения, кроме одного – высоты. Не было времени, не было пространства. Впрочем, и единственное оставшееся измерение казалось чем-то абстрактным, надуманным, но необходимым. Необходимым, чтобы видеть мир с высоты птичьего полета.

Лика положила руки на шаткое ограждение, что опоясывало крышу высотки. Хрупкие с виду железки качнулись, но устояли. Она с силой потрясла их – выдержат ли? На босые ноги девушки посыпалась ржавая труха, но ограждение выдержало. И Лика занесла ногу, чтобы перелезть через него.

– Ну и дура, – раздался за спиной чей-то насмешливый голос.

Ли́ка вздрогнула и от неожиданности так и замерла с поднятой ногой, будто собака, пристраивающаяся к фонарному столбу.

Глюки, иначе и быть не может.

Когда Ли́ка поднималась, крыша была пуста. Ей даже пришлось сбить покрытый ржавчиной амбарный замок, что висел на крохотной дверце. А если кто-то и поднялся за ней следом, войти незамеченным он не мог – Ли́ка старательно навесила замок снаружи, забаррикадировав вход.

Она потрясла головой, стараясь прогнать неуместные мысли – чего только со страху не померещится. Поставила ногу на первую перекладину.

– Точно дура...

Голос был безразличным. Не укорял, не поучал. Просто констатировал факт, усмехаясь его очевидности.

Ли́ка обернулась – никого.

– Кто здесь? – грудь сжало холодное кольцо страха.

– Кто здесь? Кто здесь? – передразнил ее голос. И басовито добавил. – Я здесь!

Ли́ка негромко вскрикнула и из последних сил вцепилась в ограждение. Чуть правее от нее, опершись спиной о телевизионную антенну, сидело существо. Маленькое, явно не выше колена, сплошь поросшее шерстью, в которой запутались сухие листья и комки грязи. Мохнатыми лапками-руч-

ками оно опиралось на клюку, из-за высоких беличьих ушей выглядывали тупые, будто подпиленные, рожки. А на плечах у существа висело драповое пальто, огромное, явно с чужого плеча.

«Бомж, – пронеслось в голове Лики. – Ишь, как обро...» Мысль оборвалась, наткнувшись на рожки.

– Ты... Вы... кто? – пролепетала она.

Существо, крихтя, поднялось на короткие ножки. Пальто аккуратным шлейфом разлеглось на черепице, и Лика заметила выглядывающий из-под него кончик ослиного хвоста. Хвост чуть подрагивал, будто от недовольства то ли ярким солнцем, то ли ее, Лики, несообразительностью.

– Я стал быть? – гоготнуло существо. – Конь! В пальто!

Существо потрясло лапами своей единственной одежды.

– А ты – дура.

– Почему это? – нелепо брякнула Лика, хотя ответ на сей вопрос был очевиден.

– Да потому, что, как и все подобные тебе, думаешь не о будущем, а о прошлом. А какой в этом смысл? Ну да ладно, не обращай на меня внимания, – существо снова опустилось на теплую черепицу и вытянуло ножки, опершись спиной на антенну, – ты продолжай, продолжай. А я понаблюдаю. Работа у меня такой, понимаешь, наблюдать.

Существо переступило с ноги на ноги, поудобнее оперлось о клюку. Заметив, что Лика уставилась на него во все глаза и не трогается с места, подсказало:

– Ты, кажется, перелазить собиралась. А потом – фить! – существо изобразило рукой ныряющую в воду рыбку.

Лика, не в силах оформить мечущиеся в голове мыслишки-слова хотя бы в одно складное предложение, ошарашено кивнула, послушно повернулась к краю крыши и снова поставила ногу на первую перекладину.

– Да, это... Ты только не кричи, когда падать будешь. Ладно? А то у меня уши чувствительные, – доверительно пожаловалось существо.

Лика снова повернулась к нему.

– Вы кто? Вы – смерть?

– Чур меня! Чур! – существо замахало руками! – Я что, такой старый и страшный? Да и рано ей, красавице беззубой, являться. Вот когда будешь лежать внизу в луже крови, мозгов и мочи, с задранной до головы юбкой и нелепо вывернутыми ногами, тогда она, родная, и явится, не беспокойся.

Лика испуганно прижала к стройным ногам свою лучшую юбку.

– Да-да, – кивнуло существо. – А ты что, думала, как в кино, сиганешь с двадцатого этажа и будешь лежать на асфальте вся такая красивая, несчастная и нелепо мертвая? Тут тебе надо таблеток каких наглотаться... Впрочем, нет. С таблетками правильно дозу рассчитать, а то будет зрелище не для слабонервных. Или... – Существо приставило-было лапку к виску, но передумало и, взмахнув ею, доверительно шепнуло. – Ты не думай, смерть – штука не красивая и мало

кому к лицу. Единственный для тебя выигрышный вариант – это попасть в какую-нибудь бандитскую переделку, ну там, стать случайным свидетелем, а потом пуля прямо в сердце, ты со вздохом падаешь на спину, раскинув руки, волосы красиво рассыпаются на земле, голова склоняется на бок... Потом медики будут мчаться с твоим телом в больницу, приговаривая: «Разряд... Еще разряд... Мы теряем ее...» И по щеке какого-нибудь особо впечатлительного санитаря скатится скупая мужская слеза, и он подумает: «Ах, она была так молода... И так красива... И так нелепо погибла...» – существо так увлеклось рассказом, что не заметило, что Лика стоит уже на второй перекладине и решительно заносит ногу над ограждением, не понимая, от чего хочет избавиться: от жизни или от неуместной болтовни странного мохнатого создания. – Впрочем, уже поздно что-то менять. Эээ! Ты осторожнее там!

Существо взмахнуло клюкой, и в тот же миг старенькое ограждение не выдержало, надломилось, и Лика повисла над бездной, из последних сил цепляясь за ржавые балки и беспощадно визжа. Беличьи ушки существа съежились, и, прикрывая их лапками, оно поспешно заковыляло к краю крыши, путаясь в длинных полах волочащегося за ним пальто, постанывая и жалобно причитая:

– Ох, люди, люди! Ну, что ж ты орешь-то! Ох, уши мои!

Существо свесилось с крыши, оказавшись прямо над Ликой, и осведомилось:

– Ну, чего орешь? Ты же этого и хотела! Давай, разжимай ручонки и лети!

– Помоги! – выкрикнула Лика.

– Ох, люди, люди! Ты бы сначала подумала, от чего отказываешься, а потом долбала булыжником по замку. Ну, вот чего у тебя случилось? Хахаль бросил? Ой, да не ты первая, не ты последняя. Ты же «Москву, что слезам не верит» сто раз смотрела, Катериной восхищалась. Ой, да тебя же судьба ждала удивительная – популярность, богатство, толпы поклонников. А теперь что? Только силуэт мелом на асфальте да, в лучшем случае, заметка из трех строк в разделе «Присшествия». Вот и говорю – дура!

Железная балка закрипела и, вздрогнув, провисла еще больше. Одна рука Лики сорвалась и, визжа, она замахала ею в воздухе, пытаясь найти хоть что-то, за что можно зацепиться.

– Что передумала? Спасите-помогите теперь?

Лика хотела что-то сказать, но горло сжалось в тугой комочек и не слушалось, поэтому она часто закивала и умоляюще уставилась на существо мокрыми от слез глазами.

– Ох, люди-люди...Никакого сладу с вами. Я же не развлекаться сюда пришел, а по делу, понимаешь, по делу!

Лика умоляюще смотрела на него, беззвучно шлепая губами, будто выброшенная на берег рыба.

– И не могу я тебе помочь! – в голосе существа начали проскальзывать плаксивые нотки. – Просто так – не могу,

понимаешь? Не в моей это природе, устроен я так!

Ли́ка снова закивала, готовая на все.

– Значит хочешь спасти жизнь в обмен на душу? – вздохнуло существо.

Балка снова заскрипела, прогнулась, в глаза Лике посыпалась ржавая труха. Она снова завизжала, от чего ушки существа стали едва заметны, а рожки нагло устави́лись в небо, и из последних сил прокричала:

– Да-да-да!

Существо вздохнуло, хлопнуло мохнатыми лапками и протянуло одну из них девушке. Их разделяло около полуметра метров пустоты, но почему-то Ли́ка без труда дотянулась и изо всех сил вцепилась в протянутую лапку. Существо едва слышно взвыло, но не разжало руки. Ли́ка почувствовала, как что-то внутри нее заби́лось, будто до смерти перепуганный зверек в клетке, почувствовала, как сквозь ее ладонь в ладонь существа перетекает какая-то сила... и в следующий миг девушка оказалась на крыше, в безопасности. Ее бил озноб, хотелось забиться в уголок, сжаться в крошечный комочек и ни о чем не думать. Особенно о том, что только что произошло. Ли́ка попыталась высвободить руку из мохнатой лапки существа, но оно продолжало цепко держать ее.

– Ну вот, и что мне теперь делать? – прохныкал он. – Я же еще маленький, я же только учусь! Эх, ладно...

Не отпуская девушку, он порылся в кармане пальто свободной лапкой и выудил из него невесть откуда взявшуюся

чайку. Та уставилась на Лику стеклянными глазами и жалобно закричала.

– Теперь все. Живи. – объявило существо и, вырвав из крыла птицы одно перышко, отпустило ее на свободу. Чайка взмыла вверх и закружила над домом, все так же пронзительно вскрикивая. А Лика обессилено опустилась на нагретую солнцем черепицу.

Чертеноч повертел в лапке перо и, вздохнув, снял пальто и накинул его на плечи дрожащей девушке:

– Вот, милая, погрейси, погрейси. Теперь все хорошо будет. – он повертел перышко в лапках и сунул его в незаметный кармашек на животе. – Что ж вы, люди, жить хотите лишь перед самой смертью! Эх...

Чертеноч нагнулся, чтобы подобрать клюку, когда над ним раздался третий, насмешливый голосок.

– Ну что, дурик, опять начудил? Сделал лабораторную?

Он поднял глаза и увидел сидящую на антенне юную ангелицу.

– А ты, что тут делаешь, пернатая, – презрительно фыркнул он, разгибаясь и занимая оборонительную позу.

– А пальто у папы спер? – не обращая внимания на оскорбление, хихикнула ангелица. И как ни в чем не бывало продолжила. – А я тут тоже с папой. Лабораторную делаю. Эээ... Как же называется... Ах, да: «Рост крыльев у воспаривших чертей». Пятерка в году по демонологии мне обеспечена!

– А я то тут при чем? – не понял чертенок, и изогнулся, чтобы унять внезапно возникший зуд под левой лопаткой.

– Ах, ну да, ты же малолетка! Ангелология у тебя только в следующем году будет! – ангелица откровенно рассмеялась. – Ты зачем ее душу на волю выпустил?

Чертенок отчаянно поскреб клюкой уже под правой лопаткой и обиженно пробурчал:

– А что мне с ней делать-то было? Я бы ее вжисть до ада не доставил! А бестелесной ее нельзя оставлять...

– Надо же, нельзя оставлять, – передразнила его ангелиша. Но в следующий момент возмущенно воскликнула. – Нет, ну, ничего себе! За что тебе такая роскошь?

Чертенок повернул голову и отчаянно пискнул, увидев за своей спиной роскошные белоснежно-серебристые крылья.

– Эх, горе ты адское. Идем, отведу тебя, куда надо, – ангелица изящно спорхнула с антенны и взяла чертенка за лапку. И, прежде чем исчезнуть, обернулась к все так же тихо поскуливающей Лике. – Да, папа просил передать тебе спасибо. Он сказал, что у тебя все будет хорошо, он позаботится.

Москва, 2013